Научная статья
УДК 347.9
doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.008

Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕЛЕНИЦЫНА

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, pelemar@rambler.ru

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ЯЦЕНКО

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, yatsenkoao@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия в области гражданской юрисдикции различных государств в рамках трансграничного оборота судебных актов, которое основывается на признании и исполнении иностранного судебного решения. Для этого существенны два обстоятельства: это должен быть акт, принятый именно судом, и это должен быть акт, вынесенный судом по существу спора. Авторы приходят к выводу, что признание и приведение в исполнение решений иностранных судов является важной гарантией защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц и необходимой частью эффективной системы международного правового сотрудничества. Одним из основных вопросов правового регулирования трансграничного оборота судебных актов является определение объекта признания и исполнения.

Ключевые слова: иностранное судебное решение; исполнение иностранного судебного решения; объект; цивилистический процесс; судебный акт; юрисдикция.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Пеленицына М. В., Яценко А. О. Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 71–77. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.008.

© *Пеленицына М. В., Яценко А. О., 2023*

Original article

Legal Regulation of Cross-Border Transfers of Judicial Acts as an Object of Recognition and Enforcement of a Foreign Decision in the Civil Procedure of the Russian Federation

MARINA V. PELENITSYNA

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, pelemar@rambler.ru

ANASTASIYA O. YATSENKO

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, yatsenkoao@mail.ru

Abstract. The article considers the specifics of interaction in the field of civil jurisdiction of various states within the framework of cross-border transfers of judicial acts, based on the recognition and enforcement of a foreign court decision. There are two essential circumstances: it must be an act adopted by the court, and it must be an act rendered by the court on the merits of the dispute. The authors conclude that the recognition and enforcement of foreign court decisions is an important guarantee of the protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities and a necessary part of the effective system of international legal cooperation. The definition of the object of recognition and enforcement is one of the main issues of legal regulation of cross-border transfers of judicial acts.

Keywords: foreign court decision; execution of a foreign court decision; object; civil procedure; judicial act; jurisdiction.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Pelenitsyna M.V., Yatsenko A.O. Legal regulation of cross-border transfers of judicial acts as an object of recognition and enforcement of a foreign decision in the civil procedure of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 71–77. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.008.

Анализ межнациональных актов указывает на то, что преимущественно в них говорится о судебном решении. Следовательно, уполномоченным субъектом вынесения решения является иностранный государственный суд. В некоторых правовых договорах публично-правовые образования раскрыли, что следует понимать под судебным органом. В качестве примера можно привести Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (заключен в г. Москве 06.11.2008), но, к сожалению, подобного рода актов единицы. Следовательно, при интеграции иностранного судебного решения необходимо руководствоваться собственным опытом и познаниями в сфере юриспруденции.

Под термином «суд», на наш взгляд, следует понимать независимый орган суверенной власти, который входит в судебную систему государства и осуществляет разрешение (рассмотрение) споров, при этом материально-техническое обеспе-

чение деятельности осуществляется за счет средств публичного бюджета. Следуя вышеизложенной логике, к государственным органам с судебными функциями не должны относиться нотариусы, административные ведомства, регистраторы и различные негосударственные органы, однако подобная дифференциация не исключает возможности признания и исполнения их актов, если соответствующее трансграничное соглашение позволяет это осуществить.

В мире существуют страны, в которых наряду или вместо светских судов в обществе присутствуют религиозные. В связи с этим возникает вопрос о допустимости интеграции на территории России вынесенных этими органами решений. Проблемным вопросом выступает статус таких религиозных судов, так как в отечественном правосознании судебная власть носит светский характер. Рассмотрим данное обстоятельство на примере Израиля. В нем отсутствует формальное закрепление религии в качестве общеобязательной, при этом она и не отделена полностью от государственной власти. Примером такой связи является законодательное регулирование деятельности религиозных судов на территории Израиля. В частности, среди них есть раввинские суды, регулирующиеся Законом о полномочиях раввинских судов (1953). Публичное право к их исключительной компетенции относит отправление правосудия по вопросам брака и развода среди евреев, к числу которых принято относить граждан и жителей страны, которые могут выступать и нерезидентами публично-правового образования. Кроме того, раввинским судам подведомственны дела по вопросам опекунства, алиментов, содержания бывших членов семьи и др. В своей деятельности они руководствуются законами Торы, а меры государственного воздействия гарантируют принудительное исполнение вынесенных постановлений. Третьей особенностью является наличие целой системы раввинских судов, управлением и руководством которых занимаются централизованные государственные органы. Приведенные признаки позволяют причислить раввинские суды к израильским государственным органам специальной юрисдикции. К решению органа с подобным статусом допускается применение отечественных процессуальных норм. В частности, на основе ст. 415 ГПК РФ можно признать ряд решений по брачной категории дел. Озвученный вывод можно подкрепить и с позиции доктрины. Так, Этьен-Адольф Бартен утверждал, что если церковная (религиозная) юрисдикция обладает наделенным государством правомочием выносить решения по спорам, то ее нужно считать исполнителем суверенитета данного государства по гражданским делам [1, с. 412]. Возвращаясь к Израилю, также отметим, что иные разрешенные дела, кроме некоторых дел брачного характера, ввиду отсутствия соглашения между Россией и Израилем не подлежат признанию и исполнению. Исходя из вышесказанного можно заключить, что акты религиозных судебных инстанций могут являться объектом интеграции, если государство обеспечивает их и законодательство места-вынесения наделяет такой орган исключительной компетенцией, тем самым делегирует функции по реализации публичного суверенитета.

В противовес Израилю рассмотрим институт аксакалов в Кыргызской Республике, который также является вариантом неклассического судебного органа. Закон Кыргызской Республики от 05.07.2022 № 113 «О судах аксакалов» (далее – Закон о судах аксакалов) выступает основным его регулятором. Согласно ст. 1, 4 закона суды аксакалов следует рассматривать органом народной юстиции, который соз-

дается на добровольных началах и наделен государством некоторыми функциями по отправлению правосудия, в частности по разрешению ряда гражданских споров. Во-вторых, данный суд не является юридическим лицом, но регистрируется органами местного самоуправления в государственной юстиции. В-третьих, в основу деятельности положен принцип посредничества (медиаторства), так как решение будет принято, если не было достигнуто примирения сторон по имущественным и семейным делам. При этом из содержания ст. 3 Закона о судах аксакалов орган действует путем убеждения, общественного воздействия, достижения примирения сторон. В-четвертых, ст. 17 указывает на отсутствие исключительной подведомственности при рассмотрении споров. Кроме того, данные суды не образуют систему, и их полномочия дублируются в местных судах. Если провести параллели, то данный судебный орган имеет много общих черт с третейскими судами. Например, согласно ст. 32 Закона о судах аксакалов при отказе в добровольном исполнении вынесенного решения по заявлению заинтересованной стороны районный или городской суд вправе вынести исполнительный лист. Кроме того, ст. 36 указывает на возможность финансирования его деятельности средствами юридических лиц и граждан Киргизии. Таким образом, суд аксакалов является органом альтернативного правосудия, обладающим властными полномочиями в некоторых направлениях своей деятельности в силу национальных традиций, поэтому его решения нельзя приравнять к решениям государственного суда. Исходя из этого, исключается возможность использовать ст. 415 ГПК РФ, как было продемонстрировано на примере решения раввинского суда. Однако ст. 50 Договора между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключен в г. Бишкек 14.09.1992) позволяет признать решения, не нуждающиеся в последующей реализации, где суды аксакалов выступают в роли «других учреждений по гражданским и семейным делам».

Завершая рассмотрение критерия, отметим следующее: по общему правилу решения иностранного суда (независимо от его названия, характеристики) признаются и исполняются на основании внутреннего российского законодательства и/или международного соглашения; итоги деятельности иных квазисудебных учреждений, которые не входят в судебную систему в качестве государственного судейского органа, могут быть интегрированы лишь при прямом указании на эти образования в соответствующих международных договорах.

Проблема процессуальной формы выражения объекта признания и исполнения, на наш взгляд, является наиболее острой. Международные соглашения используют различные терминологические дефиниции, такие как «судебное решение», «акт иностранного суда», «решение компетентного органа» и т. п., при этом часто не раскрывается их сущность. Кроме того, ранее установленное несовпадение между «судебным решением», закрепленным в гл. 31 АПК РФ, гл. 45 ГПК РФ, с другими процессуальными нормами может усугубить эту проблему, что обосновывает необходимость исследовать процессуальную форму.

В первую очередь для определения объекта интеграции необходимо использовать норму права международного соглашения. Обращение к договорным положениям связано с тем, что в некоторых статутах содержатся нормы-разъяснения, с помощью которых можно определить смысл «судебного иностранного решения».

Так, Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Пекине 19.06.1992) в п. 2 ст. 16 содержит толкование для каждой из сторон: в России под судебным решением понимаются решение, определение, постановление суда, мировое соглашение, утвержденное судом, а также постановление судьи, вынесенное по существу гражданского дела; для китайского правопорядка – вынесенное судом решение, определение, постановление и акт примирения. Если государства не установили дефинитивные нормы или их содержание носит обобщенный характер, следует обратиться к отечественному толкованию. Российское процессуальное законодательство также не лишено недостатков в рассматриваемой области. Следовательно, целесообразно подробнее проанализировать возможность интеграции различных категорий судебных актов.

Несмотря на различные формулировки, содержащиеся в международных соглашениях, в круг признаваемых и исполняемых актов включаются «классические» судебные решения, с помощью которых судебные органы заканчивают рассматривать спор по существу и разрешают его. В данный перечень следует включать и уголовные приговоры в части разрешения материально-имущественных требований в форме возмещения ущерба, причиненного преступлением. Выдвинутый тезис обосновывается тем, что приговор по своей сути является итоговым судебным решением, так как в его содержании от имени государства разрешается публичный уголовно-правовой спор между защитой и обвинением. Анализ гл. 22 ГПК РФ указывает на то, что заочное решение является разновидностью «классического» решения, которое от обычного отличается только способом вынесения (в судебном заседании не участвует надлежаще уведомленный ответчика) и имеет особый порядок отмены. Вместе с тем по правовым последствиям они идентичны, следовательно, заочное решение может выступать в роли объекта признания и исполнения, если международным договором допускаются такие действия по отношению к простым решениям. Судебная практика подтверждает возможность признавать заочные судебные решения. Так, Московский городской суд, используя нормы Минской конвенции, реализовал заочное решение районного белорусского суда о взыскании с российского общества с ограниченной ответственностью заработной платы в пользу физического лица [2]. Несмотря на то что в арбитражном процессе отсутствует институт заочного решения, судебно-арбитражная практика допускает признание и исполнение подобных актов. Так, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.04.2011 № 17463/10 указано, что заочное решение иностранного государства не противоречит публичному порядку России и допускается исполнение акта, поскольку в ч. 2, 3 ст. 156 АПК РФ предоставлено аналогичное право участникам разбирательства известить суд о возможности рассмотрения дела в их отсутствие, а суду – рассмотреть данное дело.

Напомним, что судебный акт, фиксирующий волю сторон на примирение, именуется по общему правилу определением о прекращении производства по делу в связи с заключением сторонами мирового соглашения или просто определением об утверждении. Исходя из вышеперечисленного, можно утверждать, что судейские акты об утверждении по сути приравниваются к обычным судебным решениям, так как имеют общий механизм принудительного исполнения в случае невыполнения

сторонами предписаний, подтверждают разрешенный конфликт, содержат общеобязательные предписания. Также нельзя не согласиться с мнением Р. Зайцева о том, что интеграция актов об утверждении преследует ту же цель, что и судебное решение – восстановить и защитить нарушенное право, поэтому отказ в признании и исполнении по причине частичного отличия от судебного решения является не логичным [3, с. 128]. Следовательно, определения иностранных судов, которые легализируют статус мировых соглашений, выступают в роли объекта признания и исполнения. Приравнивание актов друг к другу способствует преодолению правового пробела в арбитражном процессе, так как в нормах АПК РФ отсутствует упоминание о возможности исполнения иностранных мировых соглашений, однако наряду с гражданским судопроизводством сохраняется зависимость от наличия международного соглашения, позволяющего признавать судебные акты. Примером из судебной практики послужит дело, по фабуле которого ТОО обратилось в российский арбитражный суд о признании и приведении в исполнение определения об утверждении мирового соглашения, принятого специализированным межрайонным экономическим судом города Алматы. По результатам рассмотрения заявления судья, применив нормы Киевского соглашения, выдал исполнительный лист по условиям определения об утверждении мирового соглашения [4].

Еще одним наиболее важным судебным актом в форме процессуального определения выступает определение об обеспечительных мерах. Ответ на вопрос об их признании и исполнении лежит на поверхности по сравнению с вышерассмотренным определением. Согласно п. 26 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 07.07.2004 № 78 определения, содержащие как предварительные меры обеспечения, так и само обеспечение иска, по общему правилу не подлежат реализации в российской правовой системе, поскольку по своей природе они являются неокончательными судебными актами. Судебная практика полностью следует данному разъяснению от высшей судебной инстанции. Однако существуют международные договоры, которые прямо допускают применять обеспечительные меры. Так, ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Улан-Батор 20.04.1999) допускает взаимный арест имущества в целях обеспечения иска.

Таким образом, одной из особенностей механизма правового регулирования межгосударственного оборота судебных актов выступает определение объекта признания и исполнения. По причине того, что международному договору принадлежит главенствующая роль в регулировании этой сферы, то характеристика судебных актов содержится первоначально в самих положениях соглашения. При недостаточности (неточности) или вовсе отсутствии закрепления подобных признаков национальное право способствует преодолению пробела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бартен Э. Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике : в 3 т. / пер. с франц. Д. В. Тариканова. М., 2019. Т. 1. 557 с.

2. Определение Московского городского суда от 04.06.2019 № 3м-66/2019. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil-exec/details/414db371-bf51-4d81-a547-82642f1b62c5 (дата обращения: 16.04.2023).
3. Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / науч. ред. В. В. Ярков. М., 2007. 208 с.
4. Определение Арбитражного суда Московской области от 22.04.2021 № А41-78505/20. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a0ab1465-f59a-4f36-bbad-800f778c7dff/f7ee67c7-b4a6-4e33-b844-6b8c00465e97/A41-78505-2020__20210422.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.04.2023).

REFERENCES

1. Barten E. *Osnovy mezhdunarodnogo chastnogo prava soglasno frantsuzskomu zakonodatel'stvu i sudebnoi praktike: v 3 t. T. 1* [Fundamentals of private international law according to French legislation and judicial practice: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow, 2019. 557 p.
2. *Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 04.06.2019 No. 3m-66/2019* [Ruling of the Moscow City Court No. 3m-66/2019 of June 4, 2019]. Available at: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil-exec/details/414db371-bf51-4d81-a547-82642f1b62c5 (accessed April 16, 2023).
3. Zaitsev R.V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh aktov* [Recognition and enforcement of foreign judicial acts in Russia]. Ed. by Yarkov V.V. Moscow, 2007. 208 p.
4. *Opredelenie Arbitrazhnogo suda Moskovskoi oblasti ot 22.04.2021 No. A41-78505/20* [Ruling of the Arbitration Court of the Moscow Region No. A41-78505/20 of April 22, 2021]. Available at: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a0ab1465-f59a-4f36-bbad-800f778c7dff/f7ee67c7-b4a6-4e33-b844-6b8c00465e97/A41-78505-2020__20210422.pdf?isAddStamp=True (accessed April 16, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕЛЕНИЦЫНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, pelemar@rambler.ru

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ЯЦЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, yatsenkoao@mail.ru

MARINA V. PELENITSYNA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, pelemar@rambler.ru

ANASTASIYA O. YATSENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, yatsenkoao@mail.ru

Статья поступила 16.05.2023